

Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 2. СПб.: Академический проект, 1995.

Катаев В. Время, вперед! М.: Гос. изд. худож. лит., 1960.

Куприн А. И. Слоны // Куприн А. И. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 4. М., 1964. С. 398–409.

Куприн А. И. Слоновья прогулка // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 5. М.: Правда, 1964. С. 328–334.

Маяковский В. Собр. соч.: В 2-х т. М.: Худож. лит. 1982.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22-х т. Т.10. Повести и рассказы. 1872–1886. М.: Худож. лит. 1982.

Токмакова И. Сонный слон. [Электронный ресурс] / URL: <http://allforchildren.ru/> (дата обращения: 10.01.2014).

Хлебников В. Творения. 1986. М.: Советский писатель, 1986.

Чуковский К. Чудо-дерево. М.: Детгиз, 1975.

Исследования

Белова О. В. Славянский бестиарий. М.: Индрик, 2001.

Иванов Вяч. В. Структура стихотворения Хлебникова «Меня проносят на слоновых...» // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 198. Труды по знаковым системам. III. 1967. С. 156–171.

Перцова Н. Н. Куда идет слон из стихотворения В. Хлебникова «Меня проносят на слоновых...» [Электронный ресурс] / URL: http://ka2.ru/nauka/pertsova_1.html (дата обращения: 10.01.2014).

Collin de Plancy J. A. S. Dictionnaire infernal. Paris: Henri Plon, 1863.

Rossel H. R. Demonology // The Encyclopedia of Witchcraft and Demonology. N. Y.: Bonanza Books, 1981. P. 126–130.

Е. Бабкина

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА «ЛАСТОЧКА» (ХАРБИН, 1926–1945 ГГ.)

Статья посвящена истории возникновения и функционирования журнала «Ласточка» — популярного периодического издания для детей русского зарубежья Дальнего Востока. Издательская деятельность дальневосточной эмиграции обусловила появление детского журнала, основанного на традициях российской детской периодики XIX — начала XX вв., развивавшегося под воздействием сложных культурно-исторических событий Восточной Азии 1920–1940-х гг.

Ключевые слова: журнал «Ласточка», журналистика для детей, русское зарубежье, Дальний Восток.

Несмотря на неослабевающий интерес к литературе и журналистике русского зарубежья Дальнего Востока, многое, в силу закрытости и ограниченности изданий, выходящих за рубежом в 1920–1940 гг., остается неисследованным. В частности, слабо изученной является деятельность газет и журналов для детей, выпускавшихся в послереволюционный период русскими эмигрантами в Китае и Маньчжурии.

Периодические издания для детей русских эмигрантов в Маньчжурии возникли в начале 1920-х гг.: в русском Харбине издавались двухнедельник «Василечки», «Журнал детских развлечений», «Игрушка» и другие.

Среди детской периодики русского зарубежья Дальнего Востока беспрецедентным по своей доступности и продолжительности выпуска изданием стал двухнедельный иллюстрированный журнал для детей младшего возраста «Ласточка». Первый номер журнала вышел в свет в Харбине 15 октября 1926 г., последний — в августе 1945 г.

Первый издатель и редактор «Ласточки» А. Я. Буйлов не сумел грамотно организовать выпуск и сбыт издания: небрежность в оформлении и бессистемный подбор материала не привлекли

внимания подписчиков — родителей маленьких читателей, а дороговизна типографских расходов усугубила положение — журнал оказался под угрозой закрытия [Васильева 2005]. Вторую жизнь «Ласточке» подарил Е. С. Кауфман, директор-распорядитель издательства «Заря», который буквально за бесценок в 1931 г. купил издание и сделал его самым популярным русским детским журналом не только в Китае, но и в Японии, Германии, Франции, Турции, США. Под его руководством «Ласточка» просуществовала до 1945 г.

Несомненным достоинством журнала «Ласточка» стала регулярность выхода в свет (два раза в месяц), что позволяло публиковать в нем не только небольшие рассказы, но и повести с продолжением, готовя юного читателя к восприятию произведений крупных жанров, составляющих основу русской классической литературы. Журнал можно было получить по подписке или же приобрести через сеть розничной продажи, что давало ему несомненное преимущество перед книгой. Несмотря на сложные финансовые условия, в которых находились издатели-эмигранты, журнал традиционно печатался на плотной бумаге хорошего качества с использованием иллюстраций, шрифтом, удобным для детского чтения.

На протяжении почти четверти века существования «Ласточки» редакторский коллектив журнала менялся не раз. После покупки издания Е. С. Кауфман совместно с М. С. Рокотовым возглавлял редакторский отдел с 1931 по 1935 гг. С 1935 по 1941 гг. «Ласточку» редактировал М. О. Данилов, в период с 1942 по 1945 — Е. А. Васильева.

Почти все редакторы «Ласточки» до начала работы в журнале не имели опыта работы в издательском деле и журналистике. История жизненного и профессионального пути М. С. Рокотова (Бибинова) и Е. А. Васильевой показывает, как люди разных судеб, профессий и поколений объединились во имя общего дела и сделали все возможное для развития детской журналистики в изгнании [Бабкина 2014]. Редакторский коллектив «Ласточки» сумел создать прочное литературное содружество, куда был открыт доступ всем работникам пера, неравнодушным к интересам подрастающего поколения.

Журнал «Ласточка» стремился использовать то лучшее, что было в русской литературе XIX — начала XX вв. для детей. До революции в России, в основном в Петербурге и Москве, издавалось около трехсот детских и юношеских журналов. Каждый из них имел свои особенности, но большинство из них ориентировались на заветы родоначальника отечественной журнальной периодики для детей

«Ласточка» 1933. № 8

Н. И. Новикова, чей журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) ставил своей задачей воспитание душевных качеств и развитие интеллектуальных способностей ребенка.

Проблема духовного развития подрастающего поколения в эмиграции в силу социокультурных обстоятельств заметно актуализировалась. Издатели «Ласточки» осознавали, что для детей дошкольного и младшего школьного возраста воспитание чувств не менее важно, нежели развитие ума. Профессиональные принципы детской журналистики Н. И. Новикова: сочетание художественного и научно-познавательного материала, ориентация на грамотную русскую речь и корректный разговорный стиль, нацеленность на гармоничное развитие ребенка, стремление заинтересовать его, отсутствие нарочитой назидательности — легли в основу детского журнала русских эмигрантов.

Первый издатель и редактор, основатель «Ласточки» А. Я. Буйлов, в предисловии к первому номеру писал: «Мы глубоко убеждены, что издаваемый нами журнал необходим в каждой семье как постоянный спутник ребенка. Стихи, рассказы и сказки, вполне понятные и дающие детям не только гармонию звука, но и красочное изображение в красивой речи близких им картинок разных моментов их собственной жизни, или иллюстрирующие природу

и животный мир, — как нельзя лучше помогают, во-первых, развивать ум, сердце и эстетические наклонности подрастающего человека; во-вторых, учат красиво говорить на родном языке и, наконец, незаметно укрепляют память, что так важно в детском возрасте» [Хисамутдинов 2002].

Продумывая наполнение журнала, издатели «Ласточки» сделали ставку на проверенные временем традиции. Много из содержания и структуры самого популярного в эмиграции издания пришло из журналов «Новое детское чтение» (1776–1847), «Задуманное слово» (1876–1917), «Игрушечка» (1880–1912), «Родник» (1887–1917), «Юный читатель» (1899–1908), «Светлячок» (1902–1920), «Тропинка» (1906–1912), «Маяк» (1909–1918), «Всходы» (1911–1915) и др.

Ориентируясь на традиции «Светлячка», А. Я. Буйлов включал в содержание номеров рассказы и стихи. Для поддержания материальной базы издания основатель «Ласточки» предложил читателям присылать для публикации фотографии детей. Впоследствии «Конкурс прелестного ребенка» стал постоянной и одной из самых любимых рубрик среди читателей «Ласточки».

В 1931 г. из «Светлячка» и «Игрушечки» в «Ласточку» пришла рубрика с приложением, посвященным ручному труду: приложение включало материалы и инструкции по изготовлению игрушек и поделок. Как в «Новом детском чтении», на страницах «Ласточки» рассказывалось о русском патриархальном быте и русских обычаях.

Издатели ставили задачу сохранить у детей из семей эмигрантов представление о традиционных ценностях русской культуры. Значительную помощь в этом призван был оказать русский фольклор. Предполагалось, что, благодаря фольклору, ребенок легче входил в окружающий мир, полнее ощущал прелесть родной природы, усваивал представления народа о красоте, морали, знакомился с обычаями, обрядами — то есть вместе с эстетическим наслаждением впитывал культурное наследие народов утраченной страны.

Условия эмиграции, в отличие от метрополии, позволяли издателям предъявлять особые требования в изложении азов православия. В ежегодных рождественских и пасхальных выпусках «Ласточки» публиковались стихи, сказки, статьи, пьески, которые поддерживали у детей интерес к традициям, связанным с православием, а для многих юных читателей раскрывали их впервые. Так, в статьях «Почему устраивают елку?» (№1, 1932 г.) и «Почему празднуют Пасху?» (№9, 1932 г.) в доступной для ребенка форме представлено переложение

библейской легенды о рождении и воскрешении Христа. Чтобы облегчить восприятие русских реалий, авторы широко использовали иллюстративный материал.

Московский журнал «Маяк» содержал раздел «Письма наших читателей и ответы на них». В харбинской «Ласточке» этот раздел несколько трансформировался, получив название «Наши читатели — сами писатели». Рубрика делала ставку на обратную связь с подписчиками, стимулировала развитие творческой инициативы детей: публиковала их стихи, рассказы, являлась посредником в переписке юных читателей Азии и Европы. Большой объем поступавшей в редакцию детской корреспонденции отражал рост потребностей читателей в доверительном общении, творческом самовыражении.

Процесс создания «Ласточки» был долгим и непростым, но шаг за шагом журнал набирал силу, формировал свое «лицо», завоевывая себе популярность. Очевидно, что столь продолжительный успех журнала не сводился к слепому копированию рубрик дореволюционных российских изданий. Во многом формирование содержания «Ласточки» было обусловлено оригинальной концепцией журнала. Редакторский коллектив предъявлял высокие требования к материалам, поступающим в журнал. Детская литература должна была не только развлекать и просвещать, но и формировать ценностные ориентиры, охватывающие как сферу материальной деятельности, так и область сложных человеческих отношений.

Содержание журнала составили три типа текстов:

- произведения, прямо адресованные детям;
- произведения, созданные для взрослых, но нашедшие отклик у детей (притчи, библейские предания, рекламные объявления, адаптированные к детскому восприятию);
- произведения, сочиненные детьми (детское литературное творчество).

При этом основное содержание «Ласточки» составили не столько ценные в художественном отношении произведения, сколько не признанные таковыми. Несмотря на трепетное отношение представителей дальневосточной эмиграции к русскому литературному наследию Золотого века, произведения А. С. Пушкина, П. П. Ершова, И. А. Крылова, С. Т. Аксакова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и других отечественных классиков (в том числе и детской литературы) журнал не публиковал. Издатели обращались к творчеству своих не менее талантливых поэтов-современников: Корнея Чуковского, Саши Черного. Но их стихи печатались нечасто.

Многие эмигранты, в спешке покидая Россию, брали с собой лишь самое необходимое, и книги, увы, зачастую не входили в этот перечень. Будучи в эмиграции, большинство россиян не имели ни возможности, ни средств на их приобретение, но издатели журнала публиковали в основном повести, рассказы и стихи своих современников, писателей-эмигрантов. М. Талызин, Б. Инсаров, О. Черков, Е. Шредер, В. Уральский, Ф. Чудаков, А. Доганович, А. Алтаев, А. Рамзина, М. Тергала, М. Львова, Сибиряк, Герасимов-Сунгарийский — вот далеко не полный перечень писателей-любителей, обративших свое творчество к детской аудитории (некоторые рассказы и очерки были написаны под псевдонимами).

Осознавая значительную роль литературы в формировании мировоззрения подрастающего поколения, многие «взрослые» профессиональные поэты дальневосточного зарубежья активно сотрудничали с детскими и юношескими журналами. Так, старший секретарь Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ), известный не только в дальневосточном зарубежье поэт А. А. Ачаир, которому было поручено ведать образовательным отделом Союза, в одном из посланий к писателю Г. Д. Гребенщикову с горечью отмечал: «Очень жаль мне молодых. Взрослые их совсем игнорируют. Оставили. Да и верно: самим тяжело жить. Судить нельзя. Но от этого никому не легче» [Новый журнал 2009]. Именно поэту как своей личной первостепенной задачей, так и задачей Союза, он считал оказание моральной поддержки подрастающему поколению, ратовал за «гармоническое развитие личности» [Новый журнал 2009].

На страницах «Ласточки» и в других эмигрантских изданиях А. Ачаир печатал свои стихи для детей и о детях «Воробьи», «Веселые снежки», «В день рождения Гали», «Негритята в ванночках. Аллочкины картинки», «Носорог с фонариком», «Петя-негритос» и другие. В них поэт обращался к тому, что близко и понятно каждому малышу — природе, быту, при этом изображал привычное и обыденное в новом, необычном ракурсе, стремясь в оригинальной, но простой, доступной для детей форме проложить путь к красоте, «возжечь факел духа во мгле повседневных забот...» [Новый журнал 2009]. Интимность и задушевность чувства в стихах А. Ачаира сочеталась с доброй иронией и шуткой, пробуждала в юных читателях интерес к жизни во всех, даже незначительных ее проявлениях, жажду познания, стимулировала интерес к родной культуре, любовь к русскому слову, внимание к словотворчеству.

Эпистолярное наследие поэта позволяет нам судить о том, насколько сложно в условиях эмиграции было реализовать поставленные педагогические задачи: «Условия работы с молодежью в Харбине очень тяжелы, и я лично не смог бы никогда справиться с этим делом, будучи одиноким» [Новый журнал 2009]. Он хотел, чтобы психологически точные, тонкие тексты «Ласточки», созданные писателями-эмигрантами, воспитывали чувства и мысли, помогали растущему человеку укреплять в себе жизнестойкие силы.

Все произведения, публикуемые в журнале, были написаны легким, понятным для детей языком и отличались жанровым разнообразием. Наибольший интерес у юных читателей «Ласточки» вызывали задания развивающего характера: игры, шарады, ребусы, кроссворды и анаграммы. Рубрика «Подумайте-ка!», в которой они публиковались, на протяжении многих лет занимала первые страницы издания. Авторами игр часто являлись сами дети:

Анаграмма

Составили Адик и Люлик Цинбал

Я — ваше любимое животное, перенесите первую букву, и я надеюсь на ногу, перемените еще раз, — и я буду местоимением; снова перемените первую букву, — и я буду частью лица; наконец, последняя замена той же буквы сделает меня неотъемлемым явлением после беготни.

[Ласточка 1932, л. 39 об.]

Магический квадрат

А	А	А	А
Б	Г		З
И	И	М	М
О	О	Р	Р

Переставьте в квадратиках буквы так, чтобы при чтении слева направо и сверху вниз получились одинаковые слова. Первое слово — название времени года. Остальное угадайте сами.

[Ласточка 1932, л. 16]

К содержанию игрового материала редакторский коллектив издания подходил серьезно. Обладая действительно универсальным потенциалом, игра занимает чрезвычайно важное место в формировании человека, является своеобразной школой жизни: в процессе игры ребенок познает мир и свое место в нем. Игры не только развивают ловкость и сообразительность, но и приучают ребенка подчиняться общепринятым правилам: ведь любая игра проходит по заранее

оговоренным условиям. Именно в игре устанавливаются отношения сотворчества и добровольного подчинения по игровым ролям, отрабатываются правила поведения в будущей взрослой жизни. Кроме того, помимо познавательной функции, игровая деятельность выполняет еще и функцию гедонистическую: сам процесс игры, которой увлечен ребенок, вызывает положительные эмоции, приносит ему наибольшее счастье.

Стремление заполнить эмоциональный вакуум, изгнать из детской души вызванные социальными катаклизмами страх и смятение, актуализировали в журнале детские игры с эмоциональной составляющей. Так, незначительная по объему в начале 1930-х гг. рубрика «Подумайте-ка» к 1935 г. значительно увеличилась, вытеснив приложение по ручному труду и рубрику «Отчего и почему?». Интеллектуальные игры дополнились описанием физически активных забав на свежем воздухе, такими, как «заячья гонки», «поиски клада», «имя из камешков», «дедушка Водяной», и другими.

К разновидностям игровой деятельности на страницах «Ласточки» можно отнести и такое детское увлечение, как коллекционирование. Здесь, как и в спорте, ставятся цели достижения превосходства над другими (собрать больше и лучше). А поскольку коллекционирование требует определенных знаний, то оно способствует развитию личности ребенка. В рубрике «Наши читатели — сами писатели» нередко публиковались письма детей с просьбой о переписке по увлечениям:

Среди наших читателей есть увлекающиеся собиранием марок, которые хотят переписываться с другими читателями с тем, чтобы в каждое письмо вкладывалось <...> несколько марок для коллекций.

Мы получили 2 письма — из Мукдена и из Франции. Кирилл Волков хочет обмениваться марками. <...> Галя Зайцева просит прислать ей китайских, японских и сибирских марок. <...>

[Ласточка 1933, л. 61 об.]

Помимо развивающей функции, коллекционирование выполняет функцию компенсаторную: является способом психологической защиты, снимает внутреннее напряжение [Ильин 2000, с. 46–47]. Увлечение собиранием каких-либо предметов компенсирует дефекты окружающего мира, позволяя ребенку хотя бы на время избежать хаоса. В несовершенном мире сумбурной жизни коллекционирование как игра создает пусть временное, ограниченное, но совершенство.

ПОДУМАЙТЕ-КА!

Где одинаковые собачки?

Четыре милых псика
Уселись чинно в ряд.
Четыре черных носика
Задорно вверх глядят.
Посмотрите внимательно и решите, — какие?

Шарада.
Составил Алеша Федосеев.

Мое первое — междометие, которое произносит человек, если ему что-нибудь не нравится, противно. Второе — фрукт. Все вместе — мужское имя. Какое?

Скрытые слова.
В следующих 4 фразах отыщите скрытые названия сибирских городов:

- 1) В два часа ночи Тамара неожиданно проснулась.
- 2) Я возьму топор, а ты орудуй долотом, — сказал Коля.
- 3) Есть в России маленький городишко Бар. На улицах — грязь

В ошейниках все лаковых,
Как шарик, голова...
Но вовсе одинаковых
Щенчков только два...
непролазная!..
4) — Не убий! — сказал Господь в шестой заповеди.

Анаграмма.
Я — часть человеческого тела. По очереди заменяйте мою первую букву другими, и вы получите новые слова: 1) чем пугают маленьких детей, 2) изгиб берега, 3) продукт питания, 4) рыба. Отгадайте-ка все пять слов!

Шарада.
Составил Алеша Федосеев.

Мое первое — предлог, второе — большой званный обед или ужин, третье — союз, а четвертое — река на юге России.
Все же вместе — мужское имя.

Решение задач из № 24.

Кто это? Кот.
Скрытые слова: Ирис. Мимоза. Олеандр. Роза. Ромашка. Гвоздика. Мак. Резеда.
Магический квадрат: Сова. Олег. Вера. Агат.
Эти задачи правильно решили: Эллен Бревверн, Юра и Лея Супринович, Нурия Вагазова, Сева Телгин и Надя и Вера Перфильевы.
Зав. редакционной частью М. С. Иколов. Редактор-издатель Е. С. Кауфман.

«Ласточка» 1933, №2. Иллюстрации Е. А. Васильевой (Юрка)

Игра и литературное творчество соперничают по своей способности разбудить детский интеллект. Очевидно, что жанровая система произведений «Ласточки» определялась не столько замыслом издателей, сколько вкусами юных читателей. Как известно, малыши основное предпочтение отдают стихам и сказкам, следом за лирикой осваивают прозу, а позже — драматургию.

Стихотворения — один из самых популярных текстов «Ласточки». Авторский коллектив журнала на страницах своего издания воссоздал развернутую картину детских увлечений, вовлекая ребенка в ролевые игры, необходимые для его дальнейшей социализации:

МАЛЕНЬКАЯ МАМА

Весь день возилась я с детьми,
С восьми часов утра — капризы:
Чулок порвался у Мими,
Парик отклеился у Лизы...
У Буки — дырка на спине, —
Протерлась, верно, от пружинки!..
Пришлось заплату клеить мне,
Чтоб внутрь не сыпались соринки...
Мишутка бантик потерял,
У Бэби — порвана пеленка,
А чернокожий клоун стал
Капризней малого ребенка...
Детей иметь — не пустяки.
Хлопот с малютками не мало:
Штанишки, платяица, чулки
Я долго в тазике стирала...
Бабэшку нужно укачать,
Пупс рядом с Букой спать не хочет!..
Ну, наконец, — иду я спать...
Приятных снов! Спокойной ночи!

Юрка [Ласточка 1935, л. 34]

Герои многих произведений поглощены радостью движения. Так, например, силу эмоционального переживания от прихода весны в стихотворении «Славная пора» усиливают графическое построение стиха и повторы:

Бегут повсюду ручейки,
И солнышко сверкает;
По лужам пляшут огоньки,
Все тает, тает, тает...
Какая славная пора!
Как солнышко пригрело!..
Алеша с самого утра
Серьезным занят делом:
Пускать по лужам корабли,
Сгонять их отовсюду,
Каналы рыть и из земли

Устраивать запыры!
Вдруг — трах! — плотина прорвалась!
Весь двор залит, забрызган...
И даже Жучка села в грязь
И смотрит с укоризной.

[Ласточка 1932, л. 40]

Известно было детским писателям и то, какое сильное эмоциональное воздействие наряду с ролевыми играми оказывают на детей ритм, необычная мелодика и звукопись:

КУРЬЕРСКИЙ ПОЕЗД

Третий звонок. Дон-дон-дон!
Пассажиры — кошки и куклы — в вагон!
До свиданья! Пишите!
Машите платками, машите!
Машинист, свисти!
Паровоз, пыхти:
Чах-тах...
Поехали — поехали,
Чах-тах-тах.
Кочегар, не зевай!
Чах-тах-тах-тах...
Вот наши билеты, —
Чурки да шкурки,
Бумажки от конфет!
Под уклон, под уклон
Летим, как пуля!
Первый вагон,
Не качайся на стуле!
Эй, вы куда?..
Кондуктор, сюда!
Вон там, сзади —
Взрослые дяди...
Тра-та-та, тра-та-та,
Они без билетов...
Гони их долой!
Чах-тах-тах,
Машинист, тормозите!
Чах-тах-тах...
Первый звонок!
Чах-тах...
Станция «Маргышка»...
Надо вылезать.

Саша Черный [Ласточка 1934, л. 86 об.]

Важная эмоциональная доминанта всех стихотворных произведений «Ласточки» — оптимистическое мироощущение. Среди текстов, написанных писателями и поэтами для читателей журнала, мы не обнаруживаем ни одного с описанием чувства безысходного страдания или горя: «Никогда ни в одном рассказе не было плохого конца... Никогда не было, чтобы ложь и злые поступки торжествовали», — вспоминает Е. А. Васильева [Васильева 2005, с. 99]. Считалось, что психика ребенка плохо приспособляется к мысли о дисгармоничном мире. Дети жаждут счастливой развязки, поэтому для усиления оптимистического настроения произведений авторы часто прибегали к подчеркнuto счастливому концу:

ДРУГ В БЕДЕ

Милый Гопс, дружок мой верный,
На цепи... Как это скверно!..
Впрочем, Гопсик, — не грусти!..
Я тебе в большой салфетке
От обеда две котлетки
Постараюсь принести!..

[Ласточка 1935, л. 48 об.]

Тематика авторской поэзии «Ласточки» разнообразна: поэты обращают внимание ребенка на богатство мира природы и на непрерывность жизненного цикла, стремятся пробудить в детях любовь к животным, вызвать в юном читателе благородную жажду познания.

Основная задача, которую ставили перед собой издатели журнала — пробудить в юной душе сострадание, любовь к ближнему, милосердие. Реальная действительность изгнанников была полна драматизма: голод, лишения, опасность, нависшая над жизнью и свободой. Призывы к милосердию, помощи и состраданию, обращенные к детям и их родителям, постоянно публикуются в «Ласточке»:

НЕ ЗАБУДЕМ БЕДНЫХ ДЕТОК!

Целый день мамуси дома нет...
Мама служит... Бедные ребятки!..
Кто же приготовит им обед?
Кто же спать уложит их в кровати?
Кто осушит море детских слез?
Кто прогонит от дверей «Бабая»?
Этот трудный разрешить вопрос
Пробовала мамочка, вздыхая...

Мы шепнем ей: Мама, не грусти, —
Можно в «Ясли» деток отвести,
Будут там детишки сыты,
И в тепле одеты и умыты...
Но... для «Яслей» нужен светлый дом,
И сухой, да и просторный тоже...
Ничего! Мы денег соберем
И построить этот дом поможем!

[Ласточка 1942, л. 146]

В своих призывах авторы прибегают к различным жанрам: от стихотворения до публицистической статьи:

ЕЛКА БЕДНЫМ ДЕТЯМ

Отклики читателей на призыв Мариночки Дорохиной

Хорошие мысли приходят одновременно: когда печатался уже прошлый номер «Ласточки» с письмом Мариночки Дорохиной, предложившей детям помочь бедным ребятишкам к праздникам, — редакция «Ласточки» получила один доллар и следующее письмо от двух своих читателей:

Г. Редактор.

Мы разыграли в лотерею два веера за 1 рубль. Этот рублик посылаем Вам и просим передать его самой бедной девочке; пусть она себе купит подарочек на елку, — что она хочет.

Аля Макарова

Тамара Гурылева

Читатели «Ласточки» откликнулись на призыв доброй маленькой Марины Дорохиной, и к моменту печатания этого номера в редакцию поступил пакет вещей от ВИКТОРА РОМАНОВА и пакет с игрушками от ЮРЫ ОСИПОВА.

Доллар Али Макаровой и Тамары Гурылевой и пожертвованные Виктором Романовым и Юрой Осиповым вещи, а также все то, что «Ласточка» получит еще до Рождества, — будет передано возглавляющему «Дом Милосердия» епископу Нестору, который и распределит все между нуждающимися.

Редакция, со своей стороны, передает епископу Нестору для призреваемых им детей некоторое количество номеров «Ласточки» за прошлый год.

[Ласточка 1932, л. 1 об.]

Издатели журнала были убеждены, что душевный труд, который проделывает ребенок, воспринимая тексты подобного содержания, очень важен для воспитания активного человека, наделенного чуткой душой, чувствительной к тяготам внешнего мира.

Авторская поэзия «Ласточки» не только воспитывала и развлекала юного читателя, но и развивала в детях чувство комического, стремилась породить светлый смех, который порицает отрицательные человеческие качества и утверждает положительные:

Расшалился бэби-ежик;
Бросил ложку, бросил ножик,
Влез он в чашку с головой,
Ест усердно завтрак свой!

[Ласточка 1942, л. 105]

В поисках художественного материала подобного содержания редакторы «Ласточки» обратились за помощью к своему современнику, признанному мастеру художественного слова — Саше Черному, чьи стихотворения публиковались в большинстве номеров журнала за 1932–1933 гг.: «Колыбельная песня», «Сверчок», «Когда никого нет дома», «Как засыпает трусишка», «Костер», «Враги». Звучные рифмы, бодрые ритмы, близкое к разговорной речи построение фраз, неожиданный юмор понятны и интересны детям. Особенную ценность стихотворениям Саши Черного придали чувство радости и оптимистическое мироощущение, наполнявшие яркими красками будни юных изгнанников:

КОСТЕР

Эй, ребятишки,
Вместе в кучу
Хворост колючий,
Щепки и шишки,
А на верхушку
Листья и стружку...
Спички, живей!
Огонь, как змей,
С ветки на ветку
Кружит по клетке,
Бежит и играет,
Трещит и пылает...
Шип! Кряк!
<...>
Давайте руки,
И будем прыгать вокруг огня,
Нет лучше шутки —
Зажечь огонь средь бела дня.
Огонь горит,

Наши читатели — сами писатели.

Стихи и письма.

Письмо из Кореи.

Журнал Ваш, «Ласточку», я очень люблю. А потому прошу Вас высылать мне по 2 экземпляра: один для меня, другой для моей сестреники Тани. Мне 6 лет. По-русски я не умею читать и писать. Поэтому «Ласточку» мне читает моя мама. Читает мама мне после обеда, если я хорошо кушаю суп. Тогда после сладкого блюда еще слаще, — я получаю «Ласточку», и мама мне читает его. Я жду не дожусь журнала. Готов получать его каждый день, — вот как люблю!..

Посылаю Вам свою карточку из Кореи. Снят в малороссийском костюме, хотя я и сибирский казак. Скоро снимусь в казацкой форме, — тогда я пришлю Вам еще карточку.
ВАДИМ МИХА ЛОВ.

Елка.

Здравствуй, елочка зеленая!
Как изволишь поживать?
Уж пришла зима студеная, —
Но тебе-ли унывать?
Ты всегда стоишь одетая,
В зелень пышно убрана,
И зима тебе отпаята,
Безусловно не страшна.

Не страшна тебе суровая,
Беспросветная метель, —
На тебе шуба бобровая,
Раскрасавица ты ель.

А уж коль зима постылая
Надоест в лесу тебе, —
Мы тебя, о, наша милая,
Принесем тогда к себе.
Будешь ты на время святок
Нашим гостем дорогим,
Будешь радовать ребяток
Дивным убранством твоим.

Ученик 4-го городского училища
ВАЛЕРИЯ МАРТЫНОВ.

Мишка.

Мишка прыгал и скакал
И чулочек потерял.
Мама очень рассердилась
И сказала: «Мишка, спать!»
И поплелся он в кровать.

ЭЛЛЕН БРЕВЕРН.

Думы мухи.

Снег лежит белее пуха.
Зимний ветер дует.
На окошке сидит муха, —
Думает, горюет:

«Как бы мне валенки,
„Полушубок маленький,
„Шапку-папаху,
„Теплую рубаху
„Да суконные штаны, —
„Дожила бы до весны“.
Писал Георгий Лопатич, 9 лет.

Ласточка, 1933, № 2

И дым глаза ужасно ест.
Костер трещит
Пока ему не надоест <...>

[Ласточка 1933, л. 96 об.]

Безусловно, среди произведений, публикуемых в «Ласточке», наибольший интерес представляет собственно детская поэзия.

Лирические и сатирические, реалистические и романтические стихи юных читателей «Ласточки» раскрывают их психологию, выявляют художественные пристрастия и уровень творческих возможностей, рисуют живую картину детских увлечений, опасений, желаний и сопереживания — всех тех больших мелочей, которыми так полна самая будничная жизнь.

Зачастую поэзия отражает наивные представления ребенка об окружающем мире. Природа, одухотворенная содружеством с человеком, живо и ярко предстает в детских стихах:

У жирафа предлинная шея.
 Это странно, но, в общем, понятно:
 Чем у лакомки горло длиннее,
 Тем еда, без сомненья, приятней.

<...>

Если хочешь иметь такую же шею,
 Ешь сластей побольше да поскорее.

Лара Сунн [Ласточка 1932, л. 51]

Собственно детская поэзия и проза составляли значительную часть публикаций «Ласточки». Для журнала авторитет ребенка-литератора был не менее значим, чем произведения состоявшегося художника слова: издатели «Ласточки» ценили детское творчество в его первичной, не искаженной взрослыми форме, признавали за ним право также называться искусством.

Разумеется, детские произведения, поступающие в редакцию «Ласточки», были далеки от совершенства. Но редакторский коллектив журнала осознанно избегал их литературной правки. В своем отношении к детскому речетворчеству «Ласточка» была, на наш взгляд, близка взглядам К. Чуковского. Выдающийся исследователь психологии детства «от двух до пяти», основоположник детской литературы XX в., он доказывал, что любой ребенок обладает огромными творческими возможностями; что ребенок — величайший труженик на ниве родного языка, который как ни в чем не бывало ориентируется в хаосе грамматических форм, чутко усваивает лексику, учится читать самостоятельно [Арзамасцева 2007, с. 297]. Иначе говоря, протестуя против редактирования сочинений юных авторов, К. Чуковский выступал против канонов взрослой литературы в детском творчестве. Кстати, именно К. Чуковский стал чуть ли не единственным советским поэтом, чьи произведения публиковались на страницах «Ласточки».

Вместе с тем снисходительное отношение взрослых к детским «опусам» имело для издания и отрицательную сторону. Радуясь появлению своих имен в печати, дети буквально заваливали редакцию своими «творениями». Зачастую желание увидеть свое имя на страницах любимого журнала было настолько велико, что побуждало юных читателей лукавить, однако хитрости малышей сразу раскрывались бдительным редактором «Ласточки» Е. А. Васильевой и находили публичное осуждение в рубрике «Почтовый ящик»:

Елене Ковригиной.

Ты прислала нам старое, всем известное стихотворение и пишешь,
 что сочинила его сама. Ай-ай-ай, как некрасиво!

[Ласточка 1942, л. 101 об.]

Поощряя творческие порывы своих читателей, издатели «Ласточки» не только развивали их способности, но и давали малышам необычайный заряд жизнелюбия и жизнестойкости, дарили радость и полноту жизни.

С легкой руки Е. А. Васильевой в «Ласточку» вошли жизнерадостные рассказы о мальчике Юрке и его щенке Бобке, которые впоследствии публиковались отдельными изданиями. Стихи и рассказы о Бобке помогали малышам познавать мир («Привольное дачное житье Бобки с Юркой» [Ласточка 1933, №13, с.4–5]), рассказывали о существующих играх и забавах («Бобка с Юркой — лучшие танцоры» [Ласточка 1933, №10, с. 4–5], «Весенние Бобкины проказы» [Ласточка 1933, №6, с. 4–5]), в легкой шуточной форме давали первые элементарные представления о правилах личной гигиены, распорядке дня. На примерах и ошибках Бобки и Юрки малыши постигали правила поведения в обществе («Неудачное для Бобки первое апреля» [Ласточка 1933, №7, с. 5–6]), этические нормы, учились уважать старших, помогать слабым и обездоленным, и, конечно же, дружить. Популярность их была настолько велика, что «в редакцию часто приходили письма, адресованные Юрке и Бобке. Ребята звали их в гости, обещали угостить чем-нибудь вкусным. Поздравлений к Рождеству с приглашением на елку Юрка и Бобка получали больше, чем редактор журнала. Для детей это были вполне реальные, невыдуманные мальчик и его собачка» [Васильева 2005, с. 99]. Поэтому неудивительно, что рассказы о Юрке и его шаловливом друге находили отклик в душах юных читателей:

Бобка Юрку укусил,
 Юрка Бобочку набил.

Бобка плачет: «ой-ой-ой!»
Юрка — мальчик очень злой!
Н. Н. [Ласточка 1938, с. 149]

Нельзя оставить без внимания также публикуемые в «Ласточке» драматические произведения для детей. «Учителя маленькой Майи» [Ласточка 1933, №7, с. 5–6], «Непрошенный гость» [Ласточка 1932, л. 33–34], «Пасхальный стол» [Ласточка 1932, л. 81] и многие другие пьески и сценки были призваны не только познакомить малышей с законами и принципами драматического искусства, но и давали возможность раскрыть артистический талант, присущий каждому ребенку:

Не одно поколение детей принимало участие в школьных постановках, и, если это были спектакли для младших, почти всегда ставились пьесы Юрки из «Ласточки». Участвовать в пьеске означало не лишний урок, когда надо зубрить что-то, — репетиции были радостными событиями, а пьески были написаны так, что на третьей-четвертой репетиции половина артистов знала наизусть всю пьеску от начала до конца.

[Васильева 2005, с. 97]

Произведения отечественной литературы в журнале соседствовали с произведениями зарубежных писателей. Так, в переводе Е. Александровой в журнале были опубликованы английская сказка «Шкура счастливого осла» (№15 от 6 августа 1932 г.), японские сказки «Наказанная зависть» (№16 от 27 августа 1932 г.), «Господин воробей» (№17 от 10 сентября 1932 г.), «Волшебный чайник» (№18 от 24 сентября 1932 г.), «Мальчик-персик» (№15 от 5 августа 1933 г.) и т. п. Характерно, что произведения зарубежных писателей и иностранный фольклор издатели журнала предпочитали не переводить, а пересказывать и досказывать, вероятно, учитывая, что в собственно переводе многое для ребенка могло остаться непонятым.

Структурные и содержательные новообразования в детской периодике русского рассеяния были обусловлены сложными интеграционными процессами вхождения российских эмигрантов в культурную, социальную и политическую жизнь Восточной Азии 1920–1940-х гг. Без преувеличения можно сказать, что само время вызвало к жизни это издание и обусловило его во многом новое содержание.

Так, рубрика «Английский уголок» не только выполняла задачу всестороннего развития ребенка, но и отвечала духу времени, практическим задачам жизни. Небольшие стихотворения на английском

Английский уголок.

Be polite, Mickey!..

Mickey-mouse, lift up your hat.

Here is coming Pussy-cat!..

*Bow to the left and bow to
the right...*

You must always be polite!..

Dolly.

Шалости сонуликов.

Сказка.

Папа Сон постучался в окошко Сонного Дома.

— Готовы-ли вы, деточки? Стемнело уже, люди спать укладываются, — пора и за работу...

И выбежали на крылечко девочки Сонульки и мальчики Сонулики. Все — дымчатые, расплывчатые, неясные, как и полагается детям Сна.

Папа Сон отворил дверцу большого автобуса, усадил ребят, спустил занавесочки. Сам на шофферское место сел, и — поехали...

Если кто увидит, — ни за что не догадается, что не простой это автобус едет. Только, сколько ни маши ему, — не остановится пассажиров подобрать. Своих довольно!

Подъезжает автобус к каждому дому. Папа Сон спрашивает:

— Чья сегодня очередь присниться девочке Зине из квартиры номер один?

— Моя, моя! — торопится маленькая Сонулька.

— А старичку из второй квартиры?

— Ой, как не хочется идти к старичку! — вздыхая, подымается тоненький Сонулик. — Из-за него мне пришлось сегодня во все серое одеться. С ним во сне ни в

«Ласточка» 1933, №2. Иллюстрация Е. А. Васильевой (Юрка)

языке, регулярно публикуемые в издании, давали азы иностранного языка, столь необходимого для жизни за рубежом.

Русский язык мог быть в помощь только в тех случаях, когда ищущий работу находил ее на русских предприятиях, в магазинах, ресторанах, редакциях. Англоязычное влияние доминировало. Ради трудоустройства нужно было срочно учить английский.

[Крейд 2001, с. 30]

В начале 1943 г. (после оккупации Японией Маньчжурии) под влиянием политики японизации этот раздел вытеснила рубрика «Ниппонский уголок», на страницах которой проводились уроки японского языка для малышей:

Все вы знаете, детки, как сейчас важно знать ниппонский язык. У многих из вас папы и мамы, тети и дяди поступили на курсы ниппонского языка. Ваши старшие братья и сестрички учат этот язык в школах <...> Постарайтесь запомнить те слова, которые мы будем помещать на страничку, отведенную для уроков, ребятки! Подумайте только, как интересно будет придти в ниппонский магазин — и самому купить все, что нужно, — а иной раз быть переводчиком, если вы идете с бабушкой или мамой, которая не знает ниппонского языка <...> И как пригодятся вам эти уроки, когда вы потом поступите в школу и станете заниматься ниппонским языком по-настоящему!.. <...>

[Ласточка 1942, л. 226]

В выражении своих взглядов эмигранты располагали большей свободой, чем советские писатели. В отличие от журналов советской России «Ласточка» давала в каждом номере большой обзор новостей, в том числе заграничной жизни. В них анонсировались и освещались события современной жизни Китая, а иногда и Европы.

Наибольший интерес для изучения явления межкультурной коммуникации в периодической печати для детей русских эмигрантов 1920–1940-х гг. вызывает активное общение юных читателей из Восточной Азии, Германии, Франции, Италии, Болгарии и других стран посредством детского журнала. Переписка в «Ласточке» свидетельствует не только о желании ребят общаться со сверстниками, но и обнаруживает огромную потребность изгнанников в общении соотечественника:

Я узнал, что тебе захотелось переписываться с кем-нибудь. Мне тоже хочется. Я живу в Сахалине. Мне 9 лет. А тебе сколько? <...> Много ли в Дайрене русских? В Сахалине мало.<...>

[Ласточка 1932, с. 125]

Со своими соотечественниками в Азии юные читатели Европы готовы разделить маленькие радости жизни — свои увлечения. Так, в №16 от 27 августа 1932 г. публикуется письмо русской девочки из Берлина, а в №7 от 1 апреля 1933 г. в рубрике «Наши читатели — сами писатели!» были опубликованы письма русского мальчика, проживающего в Китае, и русской девочки из Франции с пожеланиями переписываться и обмениваться марками.

Проявлением развития и укрепления связей между странами может служить неподдельный интерес иноязычного читателя к русскоязычному журналу. В №14 от 20 июня 1935 г. публикуется «Письмо харбинским читателям “Ласточки” из Италии». Автором письма стала итальянская девочка Лена Пароди:

Милые русские дети, вам пишет итальянская девочка. Здесь у нас живет русская синьора, которая очень дружна с моей мамой, и я узнала от нее, что у вас в Харбине издается детский журнал «Ласточка». Так вот, что я придумала: давайте через него переписываться.

Русская синьора очень одобрила это план и пообещала мне перевести мои письма и помогать советами.

Ну, разве не славно я придумала? Я буду писать вам об Италии, о том, как мы тут живем, как учимся, как шалим, а вы пишете о своей жизни. <...>

[Ласточка 1935, л. 146]

Письмо вызвало живой отклик у читателей «Ласточки». Переписка между Италией и Россией продолжалась несколько месяцев, с июня по декабрь 1935 г. (№14–24) и была настолько активна, что в журнале временно появилась новая рубрика — «Письмо итальянскому другу».

Публикации «Ласточки» 1920–1940-х гг. все чаще обращаются к реальным проблемам жизни. Так, в №16 от 27 августа 1932 г. сообщалось о наводнении, повлекшем за собой задержку выпуска журнала на неделю. А несколькими номерами позже, в №22 от 19 ноября 1932 г., в рубрике «Отчего и почему?» вышла статья «Что такое стихийное бедствие?», в которой авторы в доступной для ребенка форме рассказывали о правилах поведения при наводнении, пожарах и землетрясении.

Материалы журнала отразили сложность и драматичность жизни русских детей в эмиграции. Характерно, что политическая и культурная ситуация России 1920–1940-х гг. не находила своего отражения на страницах журнала: эмигранты словно намеренно избегали освещения и прямых оценок происходящих в Отечестве событий. Вместе с тем в своем творчестве они были максимально честны и открытвенны в обращении к детям. Деликатно, сквозь недомолвки и недосказанность в «Ласточку» пробивалась трагическая проблема современности — раскол России. Таким способом детская литература и журналистика в эмиграции воспитывала и сохраняла в подрастающем поколении чувство родины, но избавляла сознание малышей от чувства ненависти к виновникам их изгнанничества.

Время корректировало не только структуру и содержание журнала, но и политику редакции. К концу 1930-х — началу 1940-х гг. акцент издания на русском материале заметно ослабевает: повествования о России, русском быте, народных обычаях сменяют стихи и рассказы о Маньчжурии, переводы китайских сказок. В «Ласточке» появляются публикации, в которых все сильнее проявляется интерес русских изгнанников к их «второй родине»: «В горах Ляошана» (№5 от 1 марта 1939 г.), «Почему в Дайрене теплее, чем у нас?» (№3 от 11 февраля 1942 г.), «О маньчжурских богах и праздниках фонарей» (№6 от 15 марта 1942 г.), «Маньчжурский Новый год» (№5 от 1 марта 1942 г.), «Цеховые значки у китайцев» (№11 от 1 июня 1942 г.) и др. Сопки Маньчжурии, китайские праздники, драконы, добрые и злые духи и т. п. — все это явственно свидетельствовало о вступлении русских эмигрантов в адаптивную фазу аккультурации. Постепенное ослабевание связей с дореволюционной Россией, вращение в общественную и культурную жизнь страны расселения со временем способствовали появлению нового читателя — читателя с билингвистическим мышлением. Поэтому дети русского зарубежья, рожденные в 1930–1940-е гг., оказывались более подготовленными к жизни в стране, предоставившей им убежище.

Анализ содержания «Ласточки» позволяет утверждать, что эмоциональной доминантой издания стало жизнеутверждающее начало. Стихотворения, рассказы, пьески, игровой материал журнала были пронизаны оптимистическим мироощущением. Вместе с тем, издание не избегало разговора о жизненных трудностях и по мере сил готовило юных читателей к их преодолению. Детская периодика в эмиграции оказала значительную помощь своим читателям в адаптации к условиям новой жизни — прежде всего усилиями писателей (любителей и профессионалов), которых не смогли сломить социальные, экономические и технические сложности, возникавшие на пути выпуска журнальной продукции в Восточной Азии в 1920–1940-е гг.

Источники

Васильева Е. А. (Юрка). Детский журнал «Ласточка» / Политехник (Сидней). 1979. №10 // Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. М.: Изд-во МГУ: Наука, 2005. С. 97–100.

Крейд В. Все звезды повидав чужие // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001.

Ласточка: журнал / ред. Е. С. Кауфман. Харбин: «Заря», №13, 1933. С. 4–5. ГАХК, НСБ.

Ласточка: журнал / ред. Е. С. Кауфман. №10, 1933. С. 4–5. ГАХК, НСБ.

Ласточка: журнал / ред. Е. С. Кауфман. №2, 1933. С. 6–7. ГАХК, НСБ.

Ласточка: журнал / ред. Е. С. Кауфман. №6, 1933. С. 4–5. ГАХК, НСБ.

Ласточка: журнал / ред. Е. С. Кауфман. №7, 1933. С. 5–6. ГАХК, НСБ.

Ласточка: журнал / ред. Е. А. Васильевой. 1942. ГАХК, НСБ, инв. №3030.

Ласточка: журнал / ред. Е. С. Кауфман. 1932. ГАХК, НСБ, инв. №3029.

Ласточка: журнал / ред. Е. С. Кауфман. 1933. ГАХК, НСБ, инв. №3028.

Ласточка: журнал / ред. Е. С. Кауфман. 1935. ГАХК, НСБ, инв. №3031.

Ласточка: журнал / ред. М. О. Данилов. 1938. ГАХК, НСБ, инв. №3032.

Полно охватить всю сибирскую Русь. «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира / Предисл. и публикация В. А. Росова // Новый журнал. 2009. №256. URL: <http://www.aryavest.com/work.php?workid=16>.

Иллюстрации взяты с сайта: <http://librarium.fr/ru/magazines/swallow>

Исследования

Арзамасцева И. Н. Корней Иванович Чуковский // Детская литература: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007.

Бабкина Е. С. Эпоха русского рассеяния на страницах детского журнала: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.

Ильин В. И. Поведение потребителей. СПб. Изд-во: Питер Год. 2000.

Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.